

И. Е. Штейнберг

МЕТОД «ДЛИННОГО СТОЛА» В КАЧЕСТВЕННЫХ ПОЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Правильная ссылка на статью:

Штейнберг И. Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 493—516.

For citation:

Shteinberg I. E. (2021) The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 493–516. (In Russ.)

МЕТОД «ДЛИННОГО СТОЛА» В КАЧЕСТВЕННЫХ ПОЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Илья Штейнберг, известный российский полевой исследователь и методолог, ученик Теодора Шанина, многим знаком по работе «Качественные методы в полевых социологических исследованиях» (изданной в 1999 г. и переизданной в 2009 г.). В новой книге он обобщает свой многолетний опыт обучения практическим навыкам проведения полевых социологических исследований, в основе которого лежит метод «длинного стола», сложившийся в начале 1990-х годов в ходе проектов, осуществленных под руководством Теодора Шанина. Работая за этим «столом», участники разрабатывают и корректируют стратегию исследования, обсуждают и интерпретируют выявленные факты.

Всероссийский центр изучения общественного мнения рад представить эту оригинальную работу всем интересующимся теорией и практикой качественных исследований. Книга выйдет в декабре 2021 года, а пока на страницах нашего журнала публикуем первую главу из нее.

Ключевые слова: качественные методы, метод длинного стола, Штейнберг, социологическое воображение, методическая рефлексия

THE LONG TABLE METHOD IN QUALITATIVE FIELD SOCIOLOGICAL STUDIES

Abstract. Ilya Shteinberg, a well-known Russian field researcher and methodologist, a student of Theodor Shanin, is familiar to many for his work “Qualitative Methods in Field Sociological Studies” (published in 1999 and republished in 2009). In the new book, he summarizes his many years of experience in teaching practical skills in conducting field sociological research which is based on the “long table” method developed in the early 1990s within projects carried out under the leadership of Theodor Shanin. Working at this “table”, the participants develop and adjust the research strategy, discuss and interpret the revealed facts.

The Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) is pleased to present this original work to anyone interested in the theory and practice of qualitative research. The book will be released in December 2021 but for now we are publishing the first chapter of it on the pages of our journal.

Keywords: qualitative methods, long table method, Shteinberg, sociological imagination, methodological reflection

ГЛАВА 1. КАК И ЗАЧЕМ ПОЯВИЛСЯ МЕТОД «ДЛИННОГО СТОЛА»?

Три этапа создания метода «длинного стола»

Историю появления метода «длинного стола» можно условно разделить на три этапа: 1) крестьяноведческий, 2) монографический, 3) студийный.

Первый, **крестьяноведческий этап** создания учебно-производственной системы подготовки и проведения качественных полевых социологических исследований связан с уникальными междисциплинарными проектами «Социальная структура села СССР» (1990—1995 гг.) и «Реальная экономика и реальная политика российских деревень» (1996—1997 гг.), руководителем которых был Теодор Шанин. В этих «сельских» проектах ученый использовал оригинальный способ подготовки исследователя в процессе проведения самого исследования, который в дальнейшем оформился в метод «длинного стола»¹.

В первой экспедиции 1990—1995 гг. исследователи в течение трех лет находились в российских селах, причем в каждом из них должны были проживать восемь месяцев, а потом еще несколько лет занимались анализом собранных данных, писали статьи и монографии, участвовали в конференциях. Такая долговременная экспедиция, как я теперь ее оцениваю, была естественным и нормальным для серьезной научной работы форматом исследования и удивительной школой в научном и человеческом смысле для всех ее участников.

Моя первая встреча с Теодором вызвала гамму разнообразных чувств, среди которых главенствовали изумление и растерянность. Это был наиболее свободный человек из тех, кого я встречал, он обладал кантовской «автономностью мышления» — «мужеством пользоваться своими мозгами». С первых минут общения с ним стало понятно, что он хочет, чтобы и мы пользовались своими.

¹ См. Фадеева О. П. Истории социологических исследований сельской жизни в России 1990—1995 гг. и 1995—1996 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 301—315; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН: РОССПЭН, 2002.

В 1989 г. в подмосковном доме отдыха «Березки» Теодор рассказывал нам, приглашенным из разных вузов и НИИ, о замысле крестьяноведческого исследования. Говорил о возрождении школы ученых-аграрников, особенно А. В. Чайнова, упоминал неизвестные мне имена основателей организационно-производственной школы Н. П. Макарова, С. Л. Маслова, А. И. Челинцева, рассказывал о динамических исследованиях, о земской статистике, об этнографическом вживании в сельскую среду, где нужно стать почти незаметным, «как муха на стене», о том, что в каждом селе мы должны провести полный цикл сельскохозяйственной жизни, с апреля по апрель, и т. п.

Мы молча слушали. Внезапно Шанин произнес: «Комлеги, я не пойму, что происходит. Почему вы не спрашиваете меня, зачем мы будем это делать?». Мы пожали плечами и ответили, что нам понятно, зачем: «Под вашим руководством проведем это большое и важное исследование, напишем научно-практические рекомендации для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, улучшения сельского образа жизни» и пр. «Кому рекомендации?» — тихо спросил Теодор. «Как — кому? Понятно, Министерству сельского хозяйства, Госплану, отделу ЦК партии, правительству». «То есть чиновникам?» — уточнил Шанин. Почему-то тогда товарищи из этих институций не ассоциировались со словом «чиновник», и мы недоуменно переглядывались, пытаясь понять, чего хочет от нас этот наголо бритый англичанин. «Нет, комлеги, — сказал он, — мы это делаем, чтобы найти истину. Понять, как все устроено, как работает».

Это стало для меня откровением, потому что целями исследования всегда считались рекомендации для «подъема народного хозяйства», а задачами — изучение «социально-экономических проблем». А здесь наоборот: цель — истина, а рекомендации — одна из задач, причем не главная.

Мне кажется, что «длинный стол» появился спонтанно, под влиянием сложившихся обстоятельств. Во-первых, исследование уже стартовало, но исследователей, которые бы могли решать поставленные задачи междисциплинарного характера, не было. За один стол в 1990 г. для обсуждения целей и задач проекта сели одновременно около 20 человек. Это были экономисты, социологи, историки, психолог, географ, филолог. Все с различным опытом полевой работы и слабым представлением об этнографических методах исследования, где в центре стоит «вживание» ученого в «поле»; не у всех были навыки работы с бюджетом семьи, бюджетом времени, представления о методах наблюдения, биографического интервью и пр. Нужно было не только ликвидировать дефицит навыков использования методов различных дисциплин, но и преодолеть пробелы в знаниях о мировом опыте изучения социально-экономических проблем села и конкретно основ крестьяноведения.

Но наша недостаточная для такого исследования подготовка не была единственной причиной появления «длинного стола». Второй и главной, на мой взгляд, была политическая и социально-экономическая ситуация — начало социальной аномии «лихих девяностых». Мы, по выражению Шанина, «начали экспедиции в СССР, а закончили в РФ». В обстановке галопирующей инфляции, дефицита всего необходимого для нормальной жизни, начала имущественного расслоения населения, перехода в частную собственность земли и имущества колхозов и совхозов, беспомощности закона, проникновения в обычное право криминальных понятий и т. д., динамические исследования и другие инструменты, предложенные Теодором Шаниным в начале проекта, не могли быть применены. Нужно было переходить на «ручной режим», действовать по обстановке, проявлять максимальную самостоятельность и гибкость в подходах на местах и создавать новый инструментарий исследования, который был бы адекватен не просто «текучей реальности» Зигмунда Баумана, а тому бурному яростному потоку, который захлестывает все вокруг, когда вода прорывает плотину. В нашем случае плотина называлась «застоем», а поток — «перестройкой». Он ослаблял социальные связи между родственниками и друзьями, размывал прежние ценности, нормы и традиции. Мы увидели жизнь, где процессы перемен в разных слоях населения протекали с огромной разницей в скорости, а приток сельчан в города превысил все, что мы могли себе представить. Мы стали свидетелями стремительного появления новых богатых и новых бедных, когда их прежний статус, возраст, опыт, образование не имели решающего значения. В этом невероятном исследовательском «поле» мы столкнулись с полной неопределенностью, причем не только будущего, но настоящего и даже прошлого.

Думаю, что все эти обстоятельства определили формат наших встреч за «длинным столом». Как правило, они состояли из трех частей: 1) мини-лекция от Теодора по методологическим вопросам исследования или сообщения коллег по специфическим вопросам теоретического или методического характера; 2) отчеты рабочих групп проекта по местам их дислокации; 3) «профсоюзное собрание», где обсуждались технические и бытовые вопросы организации экспедиции. После «длинных столов» Шанин проводил индивидуальные беседы с каждым участником проекта по личным вопросам.

Сегодня у меня есть все основания полагать, что главное, чему нас научил «длинный стол» Теодора Шанина, — это работа с неопределенностью. Можно было наблюдать, как от встречи к встрече за «длинным столом» не только росла квалификация участников как исследователей, но — главное — изменялся способ мышления. Потому что научиться изучать неопределенность, принять ее как отправную точку исследования можно главным образом за счет отказа от укорененной в сознании привычки рассматривать жизнь как линейный процесс, как цепочку причин и следствий, игнорируя циклические взаимосвязи глубоких системных отношений. У Теодора Шанина это выражалось в стремлении сформировать «нелинейный способ мышления», последовательном отстаивании двух основных принципов работы «длинного стола»: «ни у кого нет монополии на истину» и «иное всегда дано». Это означало циклический характер освоения навыков, с помощью которых получают научное знание: то есть возврат к полученным знаниям на новом уровне, посто-

янный поиск альтернативных способов решения исследовательских задач. Такой сдвиг в способе мышления не достигается только освоением набора обучающих технологий, приобретением суммы знаний о предмете исследования и методах его изучения. Даже практические навыки сбора и анализа эмпирических данных, связанные, как правило, с большим опытом, не гарантируют изменения привычной методики рассуждений.

Спустя много лет после окончания этого проекта, когда я сам стал проводить «длинные столы», пришло осознание, что моя деятельность по сути — заявка на создание обучающей системы, учитывающей фазы полного цикла исследования. Как в системе Станиславского, здесь присутствуют элементы ремесла, доступные для освоения практически всем желающим, заинтересованным в получении знаний и умений. Дальнейшее развитие зависит от меры соответствующих способностей и стремления стать мастером.

Второй, **монографический этап** был связан с работой над текстами статей и двух монографий по качественным методам исследования. Это помогло полнее осознать и структурировать накопленный опыт, пополнить теоретический багаж по методологии качественного подхода, сравнить разработанные в ходе наших экспедиций способы организации полевых исследований, методов наблюдения и интервьюирования с методами коллег как в России, так и за рубежом.

Важно отметить, что монографический этап становления метода «длинного стола» связан не только с самим процессом написания книг и статей — большое значение имели отзывы об этих работах научного сообщества социологов и всех, кто использовал качественные методы в маркетинге, социальной работе, в консалтинге, в сфере политики и бизнеса. К нашему удивлению, эти работы были восприняты многими читателями как учебное пособие, несмотря на то, что там отсутствовали упражнения и проверочные вопросы, а стиль изложения был далек от формата учебника. Однако в предисловии ко второму изданию, которое вышло спустя восемь лет, известный отечественный социолог Ольга Маслова пишет: «Книга разошлась во множестве ксерокопий, выборочных и полных, сканирована для вузовских социологических учебных „ящиков“ электронной почты. На нее ссылаются в кандидатских и докторских диссертациях. Словом, в отечественной социологии она явно „пришлась ко двору“ и в преподавании, и в развитии качественной методологии»². Я стал получать письма, авторы которых благодарили за то, что наша книга помогла им подготовить и провести качественное исследование. Появились приглашения преподавать качественные методы, обучать им студентов и даже исследователей с полевым опытом в различных проектах.

Третий, **студийный этап** развития метода «длинного стола» начался с обнаружения серьезной проблемы. Несмотря на позитивные отзывы, я не был удовлетворен результатами своего преподавания. Расспросив более полусотни читателей и слушателей моих курсов о том, как они готовятся к полю, как собирают первичные данные, как их анализируют, как описывают результаты, понял, что большинство из них так и не усвоило основные принципы «длинного стола» и не использует наш опыт и советы в своей практике.

² Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009. С. 5

Это привело меня к мысли, что надежного способа обучения качественным методам пока нет. Тогда я не понимал, что «длинный стол», описанный в нашей книге, изначально был предназначен для подготовки профессиональных групп в формате длительных полевых экспедиций. При переносе метода в исходном виде в формат индивидуальных исследований, а тем более учебных занятий, его могли освоить только единицы, а именно практики с богатым опытом проведения интервью, фокус-групп, наблюдений и хорошо развитыми неспецифическими навыками рефлексии, аналитического мышления, беспристрастности и пр.

Среди причин моего педагогического фиаско в системе вузовского образования можно выделить три основные.

1. Дефицит времени для перевода знаний в практические навыки. В реальном исследовании, как правило, отсутствует отдельная задача подготовить того, кто будет его проводить, а у руководителя и специалистов нет достаточного времени для передачи знаний и навыков новичкам. В лучшем случае все ограничивается работой над ошибками, когда они возникают. Иными словами — отсутствует система подготовки, а успех неопита в основном зависит от степени его стремления освоить метод и приобрести опыт, а также от желания, педагогических способностей и навыков передачи знаний и умений у опытных участников проекта.
2. Оторванность теории от практики. В вузе это происходит из-за рамочной концепции образования, то есть веры в то, что в условиях учебного курса можно научить методу, а затем закрепить его использование производственной практикой, обычно летней или преддипломной. Это все равно, что читать лекции по меткой стрельбе, а вывести учеников на стрельбище через полгода.
3. Отсутствие обучающих технологий по развитию неспецифических навыков. Нужно что-то вроде ОПП (общей полевой подготовки) для освоения профессиональных элементов ремесла. Призывы быть эмпатичными, рефлексивными, объективными и пр., без объяснений, как этого достичь, и закрепления этих качеств на практике так и остаются призывами.

Итак, стало очевидно, что научиться использовать качественные методы можно, только применяя их в конкретном исследовании, совершая неизбежные ошибки и исправляя их — желательно, с помощью наставника.

Пришлось вернуться к архивам наших экспедиций и посмотреть, что делал Шанин для сокращения разрыва между тем, что мы знали о качественных методах, и тем, что делали на практике. Выяснилось, что он последовательно развивал наши неспецифические навыки в работе над проектом и использовал для этого сам метод исследования и его процесс. Например, развитие критико-аналитического мышления было построено на двух принципах, которые часто упоминаются в этой книге как принципы работы «длинного стола»: ни у кого из нас, включая самого Теодора, нет монополии на истину, и «иное всегда дано». В процессе работы во время обсуждения различных гипотез относительно интерпретации и анализа полученных данных или путей для поиска информантов, как правило, ни одно из предположений участников «длинного стола» не оставалось без внимания и без просьбы обосновать свою логику. Свои соображения ведущий высказывал либо

в самом конце, либо присоединялся к высказываниям участников, объясняя свой выбор.

Первый опыт использования метода «длинного стола», где подготовка исследователей и проведение исследования были равнозначными задачами, связан с моей докторантурой на кафедре социологии, к которой я был прикреплен в Саратовском техническом университете им. Ю.А. Гагарина в 2007 г., и ее руководителем Мариной Елютиной. Вместе с четырьмя аспирантами — А. Смолькиным, Т. Темаевым, С. Филипповой, А. Любецким — мы начали освоение качественного подхода в процессе проведения полевых исследований по темам их диссертаций. Вспоминая этот опыт, М. Елютина пишет: «Мне показалась интересной идея использования при проведении качественного исследования гибридной методологии, позволяющей сочетать индивидуальный научный поиск и коллегиальное обсуждение его траекторий, начиная с формулировки ключевого вопроса и кончая уточнением и корректировкой процедур и смысловых интерпретаций результатов. На мой взгляд, сейчас исследование любого социального феномена — трудоемкий процесс, обусловленный, с одной стороны, его многослойностью, противоречивостью, с другой — сложностью организации самого исследования. Я имела возможность наблюдать, как в ходе занятий растет градус заинтересованности аспирантов, как постепенно из фрагментарных представлений формируется четкая логика, умение увидеть предмет исследования с разных ракурсов, потребность в поиске новых способов объяснения фактов, как постепенно участники вживаются в роль исследователя. Совместный критический анализ результатов каждого исследователя позволяет существенно сократить разрыв между суждениями и реальной ситуацией»³.

Сами участники этого методического эксперимента спустя много лет по-разному отмечают наиболее важные для себя особенности тех занятий. Например, Антон Смолькин считает, что «самым полезным оказался даже не столько метод как таковой, сколько навык работы с материалом — что-то вроде способа обработки и упаковки данных. Было ощущение постепенного нащупывания в своей „заболоченной“ теме того самого скального грунта, на который можно уверенно опереться. Важен сам способ коллективного тестирования даже не текста программы исследования, а самого процесса ее создания (или деталей ее сборки). Метафорически — вместо мутного отражения в пыльном стекле тебе становится доступен зал со множеством зеркал и хорошим освещением. Мне кажется, именно для обучения это оптимальный метод, как ремесленная мастерская»⁴.

Другой участник, Тимур Темаев, вспоминает об этом опыте так: «Уникальность участия в данной школе-студии для меня заключалась в нескольких пунктах. Во-первых, в возможности выступить в роли самостоятельного исследователя, за спиной которого стоит коллектив, на чью помощь ты можешь опереться не только в момент анализа полученных результатов, но и в вопросах преодоления административных барьеров при проникновении к труднодоступным респондентам (в моем случае это осужденные в исправительных учреждениях). Ты осознаешь, что в школе-студии ждут твоих результатов, и это придает тебе дополнительные

³ Из переписки с автором, 2020.

⁴ Из переписки с автором, 2020.

мотивацию и силы. Во-вторых, соучастие в исследованиях других членов коллектива позволяет расширить спектр взглядов на процесс формирования программы исследования и ее трансформацию, на роль интервьюера, на логику интерпретации результатов, на стратегии при написании финального отчета»⁵.

Потом в течение пяти лет в рамках курса качественных методов исследования «длинные столы» стали проводиться в Шанинке, на «кухтеринских курсах» в ИС РАН. Благодаря моим коллегам, перечисленным в предисловии, они проходят без перерыва больше десяти лет и в других учебных заведениях и исследовательских организациях.

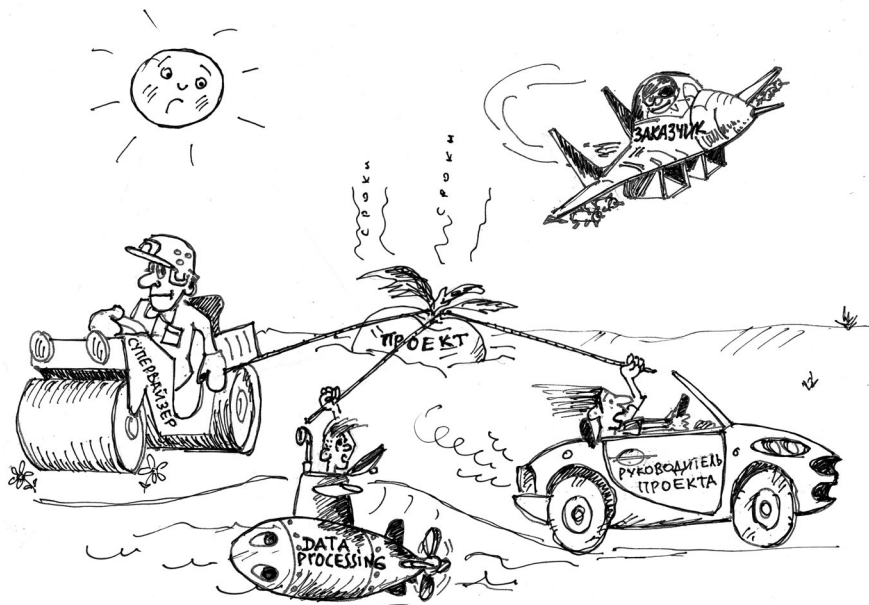

Рисунок Петра Залесского

«Утиный тест» в отборе полевых исследователей

В моей далекой юности был объявлен набор в секцию бокса нашего заводского района. Нужно было не более 20 будущих спортсменов, но желающих научиться драться приходило по два десятка каждый день. Тренер использовал довольно болезненный способ отбора, который, по аналогии с птичьим двором, назвал «утиным тестом»: чтобы понять, кто утенок, а кто цыпленок, утка сталкивает в воду всех вместе — утята всплывают, цыплята тонут. Кандидату надевали перчатки, выставляли его против мухача — так называется боксер в самом легком весе — и просили показать себя. Противник претендента выглядел довольно хлипким, но был опытным боксером, который побить себя не давал, а, наоборот, довольно чувствительно доставал соперника точными ударами. Все заканчивалось тем, что по сигналу наставника мухач отправлял соперника в легкий нокдаун. После этого

⁵ Из переписки с автором, 2021.

тренер спрашивал, не пропало ли желание заниматься боксом. Если претендент отвечал отрицательно, надо было встать и продолжить бой. Мы потом задали тренеру вопрос, зачем он устроил такой жестокий отсев. Он ответил, что может научить всему, кроме этого: имея в виду бойцовский характер, умение преодолеть боль и страх, а главное — мужество продолжать бой, несмотря ни на что.

Иными словами, тренер отбирал будущих боксеров по степени развития у них необходимых неспецифических навыков. Перечисленные им личностные качества бойца присущи всем в той или иной мере, но в данном виде спорта они, по его мнению, имеют решающее значение. В интервью с полевыми исследователями-качественниками о том, как они осваивали методы исследования, выяснилось, что многие из них встречались с «утиным тестом». Однако обнаружилось, что для большинства из них этот тест тоже был достаточно жестким и довольно сомнительным в отношении отбора наиболее способных к обучению учеников. Примером может служить рассказ одного из участников «длинного стола».

Из записи ДС:

Преподаватель, читавшая нам курс по качественным методам, сказала, что для усвоения необходима практика, надо провести интервью по теме, которая нам интересна. Предложили несколько тем, я выбрал что-то вроде «Гражданская позиция студентов нашего вуза». Мы должны были сами сформулировать вопросы, найти респондентов, провести с ними глубинное интервью, проанализировать и написать отчет. Важно было показать, что мы сумели использовать то, что она нам давала на своих лекциях и семинарах. Мотивировала нас тем, что тот, у кого интервью получится интересным, сможет поработать интервьюером в центре социальных и маркетинговых исследований, с которым у нее были связи. Мне эта задача показалась легкой: накидал десяток открытых вопросов, которые представлялись интересными. Кажется, про участие в выборах, в разных общественных инициативах, в волонтерском движении. Провел интервью среди своих знакомых студентов, даже с другого факультета опросил. Отчет написал, зачет получил, но в центр не пригласили. Не знаю почему — наверное, ничего интересного я не узнал, никто мне ничего не сказал. Одну девушку вроде бы позвали. Был потом семинар, где обсуждались какие-то правильные и неправильные вопросы, но не из моего интервью. А про результаты наших попыток ничего не говорили, или я не запомнил. Вот, если говорить об интервью, первый опыт у меня был таким.

Что выявляет такой «утиный тест», ставящий тестируемого в условия, к которым он не готов, чтобы посмотреть на его задатки исследователя, успешно освоившего методику интервью? Может, общую способность к обучению? Умение самостоятельно применить знания на практике? Но речь идет о методе, которому не обучали и о котором только рассказывали. Вопросы интервью должны отражать именно названное отличие, а это уже специфические навыки, связанные с социологическими целями и задачами исследования, с инструментами для выдвижения гипотез, формулирования вопросов, анализа интервью. То, что получилось в итоге, похоже на ситуацию, о которой предупреждал еще Конфуций: «Посылать людей на войну необученными — значит предавать их».

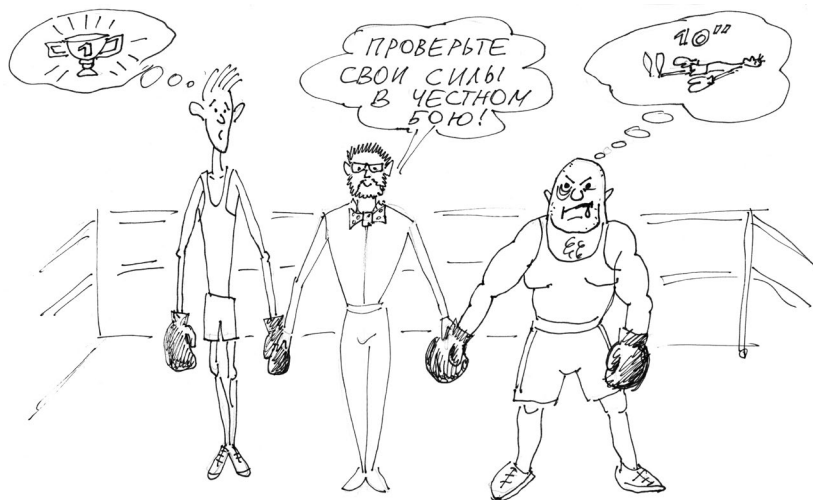

Рисунок Петра Залесского

Традиционный подход к обучению способам практических действий в любом ремесле диктует нам, что тот, кто берет на себя ответственность научить методу, должен сделать три вещи. 1) Объяснить, для чего нужен данный метод, в каких случаях его применяют, как его использовать, почему надо действовать именно так и что будет, если нарушить принципы, на которых он основан. 2) Самому учителю продемонстрировать метод на конкретном примере, с раскладом на элементы и комментарием. 3) Дать ученику повторить то, что увидел и понял, с обязательной коррекцией неизбежных ошибок. Дальше уже идет закрепление умения на практике и превращение его в навык.

Специфические и неспецифические навыки, или Как приделать ручку к чемодану

В идеале «утиный тест» должен помочь выявить неспецифические навыки, которые нужны для практического применения качественных методов в социологическом исследовании. На мой взгляд, недостаточное развитие неспецифических навыков — одна из причин того, что обучение качественным методам часто сравнивают с «чемоданом без ручки»: нести тяжело и неудобно, а выбросить жалко. Действительно, владение практическими навыками выглядит как умение отыскать в своем арсенале подходящий, нужный для решения задачи инструмент и правильно, к месту, им воспользоваться.

Так вот, на занятиях по методу «длинного стола» выбор нужного инструмента из методического багажа и умение им пользоваться мы относим к специфическим навыкам, а то, что определяет эффективность и конечный результат их применения — к неспецифическим. Это та самая «ручка чемодана», без которой его тяжело нести. В полевой практике отсутствие ручки у чемодана похоже на имитацию использования метода без достижения ожидаемого результата. Примером такого «культа карго» стала история, рассказанная одной из участниц «длинного стола».

Из записи ДС:

Л.Н. посещала курсы самообороны для женщин, поскольку жила в неблагополучном в криминальном отношении районе, где у нее отобрали смартфон, боялась повторного ограбления и хотела научиться себя защищать. Курсы вел опытный тренер, мастер рукопашного боя, прошедший «горячие точки» и обладающий всем арсеналом приемов самозащиты. В тот вечер Л. Н. возвращалась с очередной тренировки, где отрабатывали удар ребром ладони по сонной артерии потенциального злоумышленника. По случайному совпадению, именно в этом вечер недалеко от дома на нее напал грабитель: стал вырывать рюкзак, где были телефон, кошелек и прочие нужные вещи. Вместо того, чтобы безропотно, как в прошлый раз, отдать свое имущество, она неожиданно для себя развернулась и ударила нападавшего. Однако тот оказался амбалом размером со шкаф, и прием самообороны, проведенный девушкой весом менее 50 кг, не заставил его потерять сознание, а лишь привел в легкое замешательство. Грабитель рефлексивно отмахнулся, она отлетела, но, вскочив, в боевом раже опять двинулась на него. Не понимая, чего еще ждать от этого опасного существа, грабитель бросил рюкзак и убежал. В результате имущество было спасено, но у пострадавшей остались синяки от удара и падения.

Этот экстремальный пример вызвал дискуссию за «длинным столом» о том, что считать неспецифическими навыками для использования методов исследования.

Ведущий: Почему, на ваш взгляд, у Л.Н. получилась только имитация удара, который она отрабатывала на тренировке, и сработал (но мог и не сработать) только психологический эффект?

Участник 1: Мне понятно, я когда-то занимался. Если бы она раскалывала ребром ладони кирпичи, как ее тренер, то, поверьте, даже при весе в 40 кг это было бы, как удар ломом. Нужны были скорость, резкость, сила. Это физика, масса на скорость.

В.: Скорость, резкость, сила — неспецифические навыки, и они присущи всем. Но для выполнения этого технического приема нужен определенный уровень. Кто еще занимался спортом?

У. 2: Я, гимнастикой. Там тоже, пока не сядешь на шпагат, многие вещи никак не сделать.

В.: Вот, в нашем деле тоже: чтобы интервью или наблюдение у вас было не пустым, надо предварительно уметь «садиться на шпагат», иначе есть риск не провести интервью, а сделать только его имитацию.

У. 3: А разве от респондента это не зависит?

В.: Конечно, зависит, но его вы изменить не сможете, а себя можете. Я же говорю о снижении риска, а не о гарантии успеха.

У. 4: Ну, она же характер проявила, пошла на него, смелая.

В.: Значит, кое-какие неспецифические навыки можно развить в процессе деятельности. Она же не считала себя бесстрашным бойцом.

У. 3: А что у нас будет «шпагатом»? Что мы должны развивать у себя?

В.: Это те вещи, о которых, уверен, вы не раз слышали. Рефлексия, критико-аналитическое мышление, «социологическое воображение»⁶, беспристрастность, любознательность.

⁶ Социологическое воображение — «качество ума, которое необходимо для осмысливания взаимосвязей между человеком и обществом, между биографией и историей, между отдельной личностью и целым миром» (Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2001. С. 8). Это позволяет, как в примере с чашкой кофе у Энтони Гидденса (Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 18—19), увидеть, что кофе — не только напиток, но и социальный ритуал общения (пригласить на кофе), что зерна кофе в экономическом обмене в период колонизации ценились, как золото и нефть.

Это как проверка музыкального слуха у учеников музыкальных школ: у большинства он есть, но нужен определенный уровень владения им. Важно отметить, что он развивается в процессе занятий, и недостаток музыкального слуха может компенсироваться чувством ритма.

Этот фрагмент работы «длинного стола» показывает необходимость предварительной диагностики неспецифических навыков, а также специальных упражнений для их развития. В практике работы «длинного стола» используется несколько умных «утиных тестов», которые выявляют уровень развития таких неспецифических навыков, как «социологическое воображение», рефлексия, эмпатия, любознательность, критико-аналитическое мышление. Эти навыки влияют на продуктивность использования качественного подхода в социологическом исследовании.

В качестве примера приведу несколько из них — те, что связаны с диагностикой наличия «социологического воображения» и любознательности: «Big Data в рекламе» и «Спроси у прохожего дорогу».

Инструменты и упражнения «длинного стола» для развития «социологического воображения»

Big Data в рекламе

Участникам «длинного стола» предлагается решить задачу из области таргетированной рекламы, использующей мобильные средства связи. Для такой рекламы важно знать пол владельца мобильного телефона, чтобы предлагать товары и услуги, соответствующие интересам мужчин и женщин.

В этой задаче можно наблюдать проявление «социологического воображения» как способности искать решение не в психологическом различии полов (представление о том, что женщины говорят по телефону дольше, чем мужчины), а во внешнем социальном факторе, который влияет на гендерное поведение, связанное с звонками по телефону.

Рецепты «длинного стола»

Ведущий: Хотите сами пройти «утиный тест»? Он из области рекламы на телефонах, для которой важно знать пол абонента, чтобы, к примеру, реклама помады попала женщине, а лезвий для бритвы — мужчине. Провайдер может дать информацию только по дате звонка, его длительности и соотношению входящих и исходящих вызовов абонента. Можно ли по этим трем данным определить пол владельца телефона?

Участник 1: Конечно, женщины разговаривают дольше.

У. 2: Ну, как сказать. Есть разговоры по работе, делам всяким.

У. 3: Есть болтливые мужчины и молчаливые женщины.

В.: Нет, по длительности не получится. Много ошибок. Как еще можно более точно определить пол? Даю подсказку. Это можно сделать только у нас в России.

У. 2: А, поняла. Это 23 февраля и 8 марта?

В.: Точно. В эти дни количество входящих и исходящих заметно изменяется. Можно более точно вычислить пол владельца телефона. Вот, видите, те, кто нашел решение

задачи, искали не индивидуальные особенности пола, хотя они тоже важны, а внешние факторы, которые влияют на гендерное поведение. Конечно, женщины могут поздравлять других женщин, а мужчины — мужчин со своим праздником. Но на больших данных разница в эти дни заметна. Вот вам «социологическое воображение» на практике.

«Спроси у прохожего дорогу»

Интересно, что первоначально это упражнение предназначалось для преодоления застенчивости при установлении контакта с незнакомым собеседником, если участник «длинного стола» отмечал у себя такой недостаток. Однако выяснилось, что упражнение также помогает выявить способность к «социологическому воображению».

Процедура простая. Нужно спросить у нескольких прохожих дорогу к определенному месту и попросить указать ориентиры, по которым его легко найти. При обсуждении результатов этого упражнения мы выясняем, какие объекты (аптеки, банки, магазины, памятники и т. п.) были названы и чем это можно объяснить. Как правило, обладатели «социологического воображения» сравнительно больше выделяют ориентиры, на которые указывают все прохожие вне зависимости от пола, возраста и других признаков. Например, торговый центр, церковь, банкомат, памятник, а не детская площадка, магазины косметики или охоты и рыбалки. Они больше интересуются вопросом, почему разные люди — мужчины, женщины, дети — называют одни и те же объекты, а не те, которые соответствуют их нуждам.

Тест на любознательность

Большинство «утиных тестов», которые включены в метод «длинного стола», появились случайно, в ходе наблюдения за различным поведением участников рабочей группы в процессе подготовки к «полю». Но некоторые из них появились как продолжение уже созданных, в качестве дополнительного бонуса, — например, описанное выше «Спроси дорогу». Один и тот же тест иногда может выявлять уровень развития различных неспецифических навыков. Приведу два примера.

На конференциях и семинарах меня всегда удивлял факт безмятежного равнодушия, даже демонстративного безразличия значительной части присутствующих к поискам и результатам коллег по цеху, особенно если их исследования выполнены в другой парадигме или по неблизкой слушателю тематике. Многие эксперты считают, что это продукт современной системы образования, которая отбивает у детей любознательность еще в нежном возрасте, но я помню, что безразличных и 30 лет назад было достаточно, а любознательных мало. Может, это просто редкий дар? Как его разглядеть и не пропустить? Я сталкивался с проявлением любознательности в чистом виде и сумел убедиться в значимости этого фактора для «взаимной любви социологии и социолога».

Мне нужны были шесть исследователей с базовым социологическим образованием для работы с труднодостижимыми респондентами по «тонкому» вопросу. Собралось десятка полтора претендентов. Для отбора у меня было несколько задач на выявление специфических и неспецифических «скиллов». Одна из них,

описанная выше, была как раз на «социологическое воображение». В тот раз ее смогли решить только трое. В конце концов я отобрал нужных мне специалистов, но процедура затянулась часа на три. Когда все закончилось, пошел к своей машине на стоянке и вдруг услышал, как кто-то окликнул меня по имени-отчеству. Узнал молодого человека, которого отсеяли в самом начале отбора.

Состоялся диалог, который я записал в свой полевой дневник почти дословно:

- Чуть вас не упустил, не заметил, как вы вышли.
- А в чем дело?
- Я насчет ответа про «Big Data».
- А, догадались все-таки, молодец.
- Нет, не догадался.
- ???
- А какой же правильный ответ, как же они это узнали?!
- <Пауза>
- Знаете что, приходите завтра на встречу рабочей группы, я вас беру седьмым.

Впоследствии я ни разу не пожалел о своем спонтанном решении. А тогда подумал, что человек, способный три часа ждать из чистого любопытства, зная, что это уже никак не повлияет на его цель, заслуживает того, чтобы его посмотреть в деле.

Заметить способность к чистому любопытству и любознательности не так сложно. В ходе работы «длинного стола» проявление этого неспецифического навыка можно увидеть достаточно часто, так как любопытство связано с вопросами участников ведущему и друг другу. Но есть моменты, когда я намеренно создаю ситуации для проявления этого качества, об этом второй пример.

Рассказываю историю о создании КИВа (ключевого исследовательского вопроса) на тему снижения темпов роста распространения ВИЧ-инфекции среди потребителей инъекционных наркотиков. КИВ отражал непонимание исследователями факта использования наркоманами для инъекций «грязного» инструмента, хотя шприц в аптеке «стоит 3 рубля», и аптек, «как грибов после дождя». При этом наркоманы знают, что через грязный шприц можно «подцепить» гепатиты, ВИЧ-инфекцию, ЗППП. Я специально не говорю о полученном ответе на этот вопрос. Как правило, часть аудитории не интересуется, что мы узнали в результате нашего исследования, и просто ждет продолжения темы про технологию создания КИВа. Но всегда находятся и те, кто просит объяснить, в чем там было дело.

Парадоксы методической рефлексии

Читая методическую литературу для качественных исследований, порой удивляешься обилию ритуальных призывов «постоянно заниматься методической рефлексией», «работать над ошибками» и пр.— они сходны с благими пожеланиями быть «эмпатичными», самокритичными, наблюдательными и любознательными. Чтобы следовать таким призывам, недостаточно понимать важность обладания этими качествами — нужны знания о методах их применения, так как затруднительно рефлексировать о том, в чем слабо ориентируешься. Осознанность

(mindfulness) того, что мы делаем, как мы это делаем, зачем мы это делаем, почему у нас получается или не получается, базируется на сравнении с методическими «образцами» подходов к решению сходных исследовательских задач.

Но если знание о методе можно, как пирамиду из камней, построить из прочитанных статей, монографий и учебников по методам, то методическую рефлексию как осознанность своих действий можно только «выращивать», так как это умение, навык, который накладывается на привычный образ мышления и поведения. Один раз научившись кататься на велосипеде, мы и через 20 лет сможем на нем хоть как-то поехать. Но выучив иностранный язык и не пользуясь им, вряд ли через 20 лет кто-то сможет его вспомнить — он будет вытеснен другими языковыми привычками. Так и в анализе своих мыслей, чувств и действий нужно упражняться.

Методическая рефлексия для полевой работы исследователя — как контрольная лампа на пульте охраны, функция которой в своевременном оповещении о том, что на объекте все в порядке или возникла нештатная ситуация. Формирование и закрепление навыка осознания своих действий в поле осложняются рядом барьеров, препятствующих этому процессу, а некоторые еще и гасят само стремление к методической рефлексии.

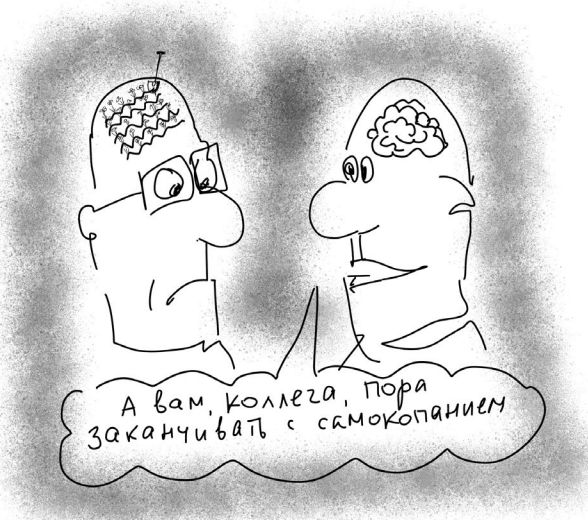

Рисунок Александра Дмитриева

Зачем сороконожке знать, как она ходит?

В качественных социологических методах исследования, особенно в проведении свободных интервью, в разных формах наблюдения, в анализе первичных данных и выводах так много от искусства, что многие полевые исследователи, мне кажется, стараются не задумываться, как у них получается проникнуть в суть социального явления, найти взаимосвязи между разрозненными факторами.

Мне приходилось слышать опасения, что регулярная методическая рефлексия может подорвать доверие к своему опыту и интуиции, ограничить свободу творче-

ского поиска, разрушить уникальность непосредственности своего «социологического воображения». В качестве аргумента часто приводят историю сороконожки, которая задумалась над тем, как она синхронизирует движения многочисленных пар своих ног, запуталась в них и не смогла сделать и шага.

Но мало кто знает о продолжении этой притчи: сороконожка после своей транспортной катастрофы не впала в уныние, а начала упорно изучать, как двигаются ее ноги, пока не смогла снова пойти. Более того, теперь она умела не только уверенно ползать, как и раньше, но даже прыгать и танцевать. То, что было неосознанной привычкой, инстинктом, стало знанием.

Вторым аргументом «антирефлексии» являются проблемы обучения методу, связанные с известным афоризмом Бернарда Шоу: «Кто умеет, тот делает; кто не умеет, тот учит других». Давайте снова вспомним сороконожку из притчи. Тот, у кого неосознанная профессиональная компетенция стала знанием, которое он неоднократно проверил на практике, смог усовершенствовать и развить, имеет больше шансов передать ученикам свое искусство.

Понятие «двойная рефлексивность»

Способность к рефлексии также является одним из ключевых понятий в методе «длинного стола». Неслучайно Теодор Шанин уделял уровню развития рефлексии большое внимание, считал ее центральным элементом в подготовке полевого исследователя и, шире, методологическим подходом к сбору и анализу данных в качественном исследовании. Для этого он даже ввел специальный термин «двойная рефлексивность», которая возникает в интервью между собеседниками.

«Мы поэтому назвали двойной рефлексивностью отношение между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) интерпретативными действиями исследователя, а также влиянием их на изучаемый объект; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как объект исследования определяет сделанный им выбор. Сюда же относятся значения и смысл, признаваемые группами, к которым принадлежат исследуемые. Мы считаем этот „треугольник“ а-б-в ядром методологии и ее отправной точкой, как в полевой работе, так и в интерпретации результатов, основой ее эвристической силы и ограничений. Важным следствием этого тройственного соотношения является предположение о том, что ни исследователю, ни исследуемому не принадлежит монополия коммуникации, которая осуществляется между ними, и ни у одного из них нет привилегии на окончательное их познание»⁷.

В ситуации интервью «двойная рефлексивность» обозначает взаимное влияние интервьюера и информанта друг на друга, где сам процесс исследования изменяет его участников. В результате этой коммуникации возникает новое понимание темы интервью, которое не принадлежит полностью ни исследователю, ни информанту. Это также касается интерпретации и анализа ответов информантов исследователем. Можно сказать, что в процессе интервью сталкиваются рефлексия знаний и опыта интервьюера (в виде вопросов и интерпретации ответов) с рефлексией знаний и опыта информанта, его восприятием интервьюера (в виде ответов на

⁷ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009. С. 25.

вопросы). Применительно к сбору данных в ходе интервью этот процесс можно назвать «двойной рефлексивностью».

Примером «двойной рефлексивности» может служить отрывок из интервью 2020 г. с главой КФХ (крестьянское фермерское хозяйство) Кизнерского района Удмуртии, связанный с отношением к труду жителей сел на местных предприятиях и на «вахтах» за пределами района:

Интервьюер: Вот вы говорите, что основная проблема — это отношение работников к труду, низкая производственная дисциплина. Часты случаи прогулов из-за пьянства, лени и т. д. Но я был на Ямале, видел тех же людей из вашего района на буровых и на стройках. Здесь они не хотят работать как следует, пьют, а там усердно трудятся и не пьянствуют.

Эксперт: Люди просто отвыкли работать. Это безответственность, скажем так.

И.: Да, но там-то, на вахтовках, они работают.

Э.: Получается, да.

И.: Здесь они не работают, там работают.

Э.: Да.

И.: Но это те же самые люди.

Э.: Да, да. Вот такая вот у нас ситуация. По крайней мере, я сужу по нашему району. Если хотите дисциплину хорошую, надо платить, скажем так, реально большие деньги. Есть хозяйства, где платят серьезные деньги, — там очень серьезная дисциплина. Когда 50—60—70 тысяч получают, они приходят на работу не в 8 часов, а в половине седьмого, и даже в 6 утра. Человек уже не сидит на месте, он знает, что может потерять эту высокооплачиваемую работу, и такую уже не найдет.

И.: Получается, что люди не отучились работать, если дисциплинированный и трудолюбивый работник на «вахтовке» и нетрезвый, ленивый житель села — это один и тот же человек. Наверное, дело в условиях труда, а не в том, что люди такие по своей природе.

Э.: Но не все же, есть те, которых уже ничем не поднимешь. Ни зарплатой, ни наказанием. Хотя, кто его знает... Вот ко мне приходили с просьбой отвезти в город «закодировать», чтобы уехать на заработки. Там он работает, да.

И.: Значит, могут ваши люди работать как надо. Почему здесь они этого не делают? Только из-за условий или есть еще что-то?

Э.: Ну не знаю. Вижу, приезжает человек с вахты, а тут друзья, родственники, соседи, дела всякие, он и расслабляется.

И.: Я подумал, еще дело в том, что он приезжает на вахту заработать, а тратить и жить он будет там, откуда приехал.

Э.: Да, да, там он в основном работает, а здесь еще другие дела есть.

В этом интервью отчетливо видна «двойная рефлексивность» — собеседники, обдумывая вопросы и ответы друг друга, в процессе разговора приходят к выводам, корректирующим первоначальную точку зрения обоих.

Эксперт и интервьюер размышляют не только о хорошо известной роли условий труда, но и о «монорольности» работника на «вахте». Иными словами, там человек выступает только в одной роли — наемный работник, а по месту жительства он включен в разнообразные отношения за пределами предприятия, где выпол-

няет семейные, соседские и другие социальные роли. Как изменить отношение к труду и поднять производственную дисциплину работников с учетом фактора их «полирольности» по месту жительства, чтобы они работали, как на «вахтовках», — этот вопрос появился в процессе столкновения двух рефлексий собеседников. Видно, что понимание причин различного отношения к труду исходило из установок и опыта собеседников, которые придавали фактам свои значения и смыслы, признаваемые группами, к которым принадлежат исследуемые и исследователи. Это стало важным условием для более объемного видения проблемы.

Рисунок Александра Дмитриева

Библейский метод развития рефлексии

Практика работы «длинных столов» показала, что для понимания концепта «двойной рефлексивности» в рабочей группе важно проговорить свои представления о рефлексии и обсудить, почему эта способность важна для качественного исследования. Для этого используются дискуссия и несколько упражнений, которые демонстрируют значение рефлексии в ситуации интервью. Наиболее популярное из них в нашей школе-студии — это библейский вопрос «Где ты?».

Рецепты «длинного стола»

Ведущий: Часто мы слышим, что качественные методы требуют от исследователя развитой рефлексии. Возникает вопрос: «А как ее развить?». Но прежде давайте установим общий язык, договоримся, что мы будем понимать под рефлексией.

Участник 1: Рефлексия для меня — это такое самокопание на предмет, кто я, что я делаю, зачем я это делаю.

У. 2: Да, самосознание. Нет, скорее самопознание, контроль над своими мыслями и действиями.

У. 3: Ну зачем контроль, просто думаешь о смысле того, что с тобой происходит, мысли о себе. Осмысление себя, вот рефлексия.

У. 4: Думаю, рефлексия — это думать о том, что чувствуешь, почему так чувствуешь. Не бояться размышлять о своих чувствах. Например, почему не радуешься, чего хочешь на самом деле. Не всегда об этом хочется думать.

В.: Да, мне кажется, что все это разные стороны рефлексии и все они входят в это понятие. У нас есть методы наблюдения и интервьюирования: в нашем контексте рефлексия — способ наблюдения за тем, что сам думаешь, чувствуешь, делаешь. Можно сказать, что это интервьюирование самого себя о себе. Наверное, для интервьюирования важно уметь себя спрашивать о своих мыслях, чувствах и делах. Ведь если не понимаешь свои чувства, мысли, поступки, разве сможешь понять их у других?
У. 2: Почему нельзя? А эмпатия? Разве нельзя поставить другого на свое место?

У. 1: Вот, мы же об этом и говорим. Как ты узнаешь, что поставил его на свое место, если не осознал, где ты сам? Я сейчас вспомнил об одном исследовании, где были интервью с сиротами. Тоже говорили — прежде, чем вопросы задавать, попробуйте поставить себя на его место. Среди нас была одна интервьюер... Наверное, имела опыт общения с сиротами, а может, и сама [была сиротой]. Она сказала, что не надо пытаться ставить себя на место человека, у которого нет родителей, даже родственников нет. Вы никогда не сможете встать на его место. Вы по-настоящему никогда не поймете, каково быть сиротой.

В.: Да. Это серьезный вопрос. Но мы хотели поговорить, как развить в себе эту способность применительно к интервью. Если мы считаем, что рефлексия важна в нашем деле, когда прозвучал первый призыв к рефлексии? Это даже было задокументировано, и уверен, что вы могли об этом читать.

У. 1: Наверное, в Средние века.

В.: Гораздо раньше.

У. 2: Если читать, то, наверное, в Библии?

В.: Да. Помните, в Ветхом Завете есть история, где Адам при подстрекательстве Змея и Евы нарушил запрет, съел яблоко, устыдился и спрятался в кустах. На следующий день над Раем раздался голос Творца, который задал странный вопрос для всеведущей и всевидящей сущности: «Где ты?». Предположить, что Адам мог так замаскироваться в кустах, что Творец потерял его из виду, нельзя. Значит, он спросил его для чего-то другого. Например, для того, чтобы тот осознал, что он сидит в кустах, прячется, значит, совершил плохое, боится наказания. Можете воспринимать то, что я сейчас говорю, как шутку, но разве это не призыв к рефлексии? Разве это не метод ее развития, придуманный более трех тысяч лет назад?

Давайте проверим на себе библейский подход тренировки рефлексии. Я задам каждому из вас этот вопрос, а вы отвечайте.

В.: Где ты?

У. 1: Я на лекции.

У. 2: Я в Институте социологии.

У. 3: Я на курсах повышения квалификации.

У. 4: Я в Москве.

У. 5: Я в расстроенных чувствах.

У. 6: Я за «длинным столом» в вашей школе-студии.

В.: Посмотрите, что произошло. Мы все в одном помещении, то есть в одном пространстве и времени, но в то же время мы в разных местах. Физически вы за «длинным столом»,

но в мыслях вы здесь и не здесь. Посмотрим, отчего так? Например, можно предположить, что тот, кто сказал «на лекции», находится на лекции по качественным методам, а не за «длинным столом» в групповой работе. Тот, кто в Институте, наверное, имеет здесь какие-то дела, хочет встретиться с кем-то, думает об этом. Тот, кто в Москве — гость Москвы, озабочен, что посмотреть, как успеть побывать в интересных местах. Тот, кто в расстроенных чувствах, тоже не вполне здесь, а в этих чувствах, связанных с причиной расстройства. И только тот, кто сказал, что он за «длинным столом», кажется, целиком здесь, с нами.

У. 2: Ну и что? Так всегда бывает. Мы все так устроены.

В.: Конечно, согласен. Но мы — не «все». Мы повышаем свою профессиональную компетентность в интервьюировании. Самое печальное, что может с вами произойти в интервью, — это потеря концентрации внимания на собеседнике. Вы его слушаете, но не слышите, пропускаете важную информацию, смену настроения и т. п. Однажды у нас был случай, когда информант неожиданно прервал интервью и ушел, объяснив, что пришла СМС со срочным вызовом по делу. «Проводник», который организовал с ним встречу, сказал, что ему не захотелось с ней [интервьюером] больше говорить: «Я в ее глазах не отражался, вижу, что она не здесь». Конечно, бывает, что мысли уходят в сторону от интервью, когда собеседник затронет тему, которая пробуждает воспоминания и разные эмоции, например, связанные с болезнью или утратой близких людей. Мы живые люди, и наши чувства могут отключить нас от беседы. Поэтому, ощутив, что мысли уплывают в сторону, что чувства мешают слышать и понимать, что говорит собеседник, надо воспользоваться методом, который появился больше трех тысяч лет назад, и спросить себя «Где ты?».

Безусловно, это не единственный способ отследить собственные реакцию, мысли, чувства и действия в процессе интервьюирования или наблюдения. Можно задавать себе и другие вопросы, которые помогают обратить внимание на изменение своего поведения в ходе работы с информантом. Например, интервьюер может спросить себя, почему он прекратил делать полевые записи в ходе беседы (стало неинтересно, скучно, информант далеко ушел от темы, отвлекли сообщения по телефону, посторонние люди и прочий контекст беседы или сказались накопившаяся усталость, плохое самочувствие). Эти вопросы обращают внимание исследователя на рассогласование его поведения в процессе интервью с первоначальным намерением быть полностью сконцентрированным на собеседнике, проявлять искренний интерес к его опыту и мыслям. В школе-студии практикуются упражнения на развитие рефлексивности исследователя, о которых мы расскажем ниже.

«Правило соленого огурца»

Работа «длинного стола» после знакомства участников друг с другом начинается с нахождения общего языка относительно ключевых понятий социологического исследования⁸. Одно из таких понятий — «социальный факт», оно тоже связано с «социологическим воображением».

⁸ Значение общего языка для метода «длинного стола» и вопрос о том, как его найти, увидеть и услышать в рабочей группе исследователей, будут рассмотрены отдельно в Главе 3.

По Дюркгейму, социальный факт — поведение, которое обусловлено преимущественно внешним давлением, факторами среды, а не внутренней потребностью и мотивацией субъекта. Это важное понятие, так как оно лежит в основе отличия социологического подхода в исследовании социальных феноменов. Но для того, чтобы это определение стало рабочим понятием и инструментом исследователя, нужно поселить абстрактное понятие в предметный мир, где оно обретает физические формы, доступные наблюдению. Для этого участникам ДС задается вопрос, можно ли увидеть «социальный факт» непосредственно здесь, в аудитории.

Рецепты «длинного стола»

Ведущий: За примером «социального факта» далеко ходить не надо. Его можно наблюдать прямо здесь, в аудитории. Кто его видит?

Участник 1: В каком смысле «видит»?

В.: В прямом, «социальный факт» виден невооруженным глазом в нашей аудитории. Я вот его вижу, и вы тоже можете увидеть, если вспомните, как его определил Дюркгейм. Помните два важных свойства: он оказывает внешнее воздействие на поведение, и он объективен.

(Участники «длинного стола» в некотором замешательстве начинают выдвигать различные версии, одна из которых связана с их поведением в аудитории. Ведущий разворачивает эту версию в пример того, как теоретический концепт становится инструментальным понятием).

В.: Да, согласен, наше поведение в аудитории можно рассматривать как «социальный факт». Несмотря на то, что мы разнополые, разновозрастные, у нас разный опыт и причины нахождения в аудитории, мы ведем себя одинаково. Вы сами разместились в аудитории определенным образом, хотя для общения между собой люди не садятся в затылок друг другу, как вы сейчас сидите, это нужно для чего-то другого. Вы не разговариваете между собой, когда я говорю, вы задаете вопросы, когда спрашиваете разрешения или когда я вам разрешаю и пр. Я не договаривался с вами об этом, но поскольку мы все ветераны института образования, где каждый из нас провел не меньше 15—20 лет, то ведем себя в соответствии с давно усвоенными нами институциональными правилами поведения в аудитории. Если мы будем нарушать эти правила, то наше поведение будет неинституциональным. Можете привести пример неинституционального поведения?

У. 2: Без разрешения встать или уйти.

У. 1: Опоздать к началу занятия.

У. 3: Отказаться выполнять задание преподавателя.

В.: Да, а какое поведение будет антиинституциональным?

У. 1: Ну, я не просто встану и уйду с занятия, а скажу, что здесь ничему нужному меня не учат. Вот в вузе был случай, когда студент уходил с лекции без разрешения и при всех сказал, что в этом универе торгуют не знаниями, а дипломами. Его отчислили потом за пропуски занятий.

В.: Хороший пример. То есть неинституциональное поведение — это когда студент нарушает правила, но не отрицает их, извиняется, исправляет, а антиинституциональное — это поведение не против правил института, а против него самого. Заметьте, в этом примере есть еще одна важная деталь. Его отчислили не за это высказывание, а в рамках правил института — за пропуски занятий.

У меня вопрос. А может быть внеинституциональное поведение, когда правила нарушаются, а замечаний и санкций не следует? Ну, хотя бы вот с посещением занятий. Есть те, кто не посещает, и ничего, к ним никаких претензий.

У. 4: Есть такие. Это спортсмены.

У. 1: Еще КВНщики.

У. 3: Блатные всякие, дети спонсоров там, нужных вузу людей. Они могут не ходить, а диплом получают. Но таких, которые внеинституционально себя ведут, мало.

В.: Конечно, мало. А почему? Потому что, как вы сказали, они нужны вузу, то есть у них есть уникальный ресурс, который позволяет им быть «вне правил». Но как только они его утратят, будут, вероятно, вынуждены либо соответствовать институциональным нормам, либо покинуть учебное заведение.

Подводя итог, можно сказать, что понятие «социальный факт» в полевом исследовании обретает вполне физические формы поведения, а социолог, наблюдая институциональные формы поведения, собирая социальные факты, ищет «правила соленого огурца», которые принуждают извне разных людей действовать одинаково. Так и огурцы, попав в рассол, какими бы они разными по форме и сорту ни были, все обретают одинаковое качество — становятся солеными.

А можно «социальный факт» не только увидеть, но и услышать?

У. 1: Это какие-то слова?

В.: Ну да. Мы же вот сейчас общаемся, что-то говорим друг другу.

У. 2: Наверное, что-то про то, что нас заставляют делать против нашей воли, желания.

У. 3: Почему обязательно против воли? Ты что, против своей воли моешь руки с мылом или зубы чистишь?

У. 2: Нет, не против. Я понимаю, что это надо. Но я же не сразу стал мыть и чистить. Меня поначалу заставляли, я должен был это сделать для родителей.

В.: Давайте остановимся. Заметили, какое слово было произнесено? «Должен». Мы услышали «социальный факт». Кому должен, почему должен? Когда ваш собеседник говорит, что он что-то сделал или не сделал, потому что был должен, например, получить высшее образование, приехать на наши курсы — мы услышали звуковой след дюркгеймовского «социального факта» институционального поведения. В процессе социологического исследования интервьюер слово «должен» выделяет почти автоматически и задает уточняющие вопросы, если из ответа не ясен агент влияния.

Вот так можно поупражняться в обнаружении социальных фактов вокруг себя.

Три источника метода «длинного стола»

Можно выделить три источника возникновения и развития метода «длинного стола»:

- «двойная рефлексивность» Теодора Шанина как продолжение неокантианской традиции;
- система Станиславского как способ выделения из искусства составляющих элементов ремесла для формирования и развития профессиональных навыков;
- базовые принципы формирования систем начальной подготовки спортсменов как способы развития неспецифических навыков исследователя.

Нередко замечал, что те, у кого сохранились воспоминания об образовании в советской школе и вузе, почти автоматически при словах «три источника» спрашивают: «А где три составные части?», по аналогии с названием известного произведения вождя мирового пролетариата, посвященного марксизму. Не думаю, что здесь можно ограничиться только тремя составными частями, их было значительно больше. Но среди них есть одна, которая перевешивает все остальные, вместе взятые — это способ передачи знаний ученикам от учителя, который практиковал Теодор Шанин. Трудно словами передать суть его подхода, можно только сказать, что за «длинным столом» было стойкое ощущение, что не нас учат, а мы сами учимся иному способу мышления, иным методологическим подходам. Может быть, потому, что Теодор не учил исследовать, а сам исследовал по-настоящему. Причем, это важно подчеркнуть, не ради тренировочного примера для своих учеников, а на равных с нами, для развития крестьяноведения и социологии в целом.